

Живи сто лет!

Митя завёл двигатель и смахнул дворниками налетевший снежок. Аля села в «Мэрс» и утонула в кожаном кресле. Тут же закурила, нервно стряхивая пепел с сигареты. Митя включил музыку, и Аля, не сдержавшись, рыкнула:

– Выключи ! Все нервы вымотались! Хорошо, что ты так быстро сменил замки. Пусть теперь попробует наша невесточка войти к мамке! – Аля захохотала тоненьким детским голоском. – Какая ушлая, правда?! Ни разу не провела мамку за три недели, пока та чуть не кончилась, а в квартиру ей нужен доступ...

– Не нервничай ты так! Давление подпрыгнет, – останавливал Алю муж. – Заперли, и хорошо. Никто, кроме нас не войдёт, ну ещё сыновьям дадим ключи – чай не чужие.

– Да! А то Люська наша окна вылизала и уже вымеряется, кто лучше за мамкой ухаживает. Да я бы ей сама заплатила – пусть и нам дома вымоет все окна! Ха-ха-ха... – захохотала Аля своим детским писклявым голоском. – Где у нас время окна мыть? Пока все магазины объедешь, выручку соберёшь, бухгалтерию проверишь, жрать сготовишь – хоть домработницу нанимай! – заныла Аля, – Ми-и-ть, старая я уже, давай наймём, а?..

– Ты что?! Дополнительный расход! Сама же хотела катер для дачи купить! Да и соседи дом продают, забыла? Давай лучше тот домик купим, чем тратиться на зарплату кому-то... Не ной, справишься!

Машина затормозила у дома, раздался лай сторож-кавказца по имени Бакс, и тут же стих – собака увидела хозяина. Митя нажал кнопку, и ворота разъехались в стороны, пропуская «Мэрс».

Люся приехала из областной больницы, где лечила запущенное воспаление почек. Вспоминала, как местные врачи отмахивались – всё ждали подношений. А там, в области, совершенно другая обстановка, никто не тянет резину, не намекает на деньги. За три недели поставили на ноги и привели в норму анализы. «Вот молодцы» – радовалась Люська и суеверно сплёвывала через левое плечо.

«Хорошо, что дети отпустили пролечиться, и взяли на себя уход за отцом» – думала она. Дочка у меня хорошая, сын помогал, таскал парализованного отца. А Надя и пелёнки стирала, и задницу, и хозяйство отцовское мыла, и варила-кормила с ложечки... Эх, сколько трудов возле

Валика! А куда деваться? Крест господний! Сколько ему отпущено?.. Сам мучится, и нас всех мучает...

Люся распаковала сумку и взялась за стирку. Тут позвонил телефон, и писклявый голосок Али насыпался свистящим скрежетом на присевшую в кресло Люсю.

– Ты и твои дети хоть бы поинтересовались по телефону, как там мамка?! Ты окна вымыла месяц назад – пыль в глаза людям пустила! И больше ни ногою! А у мамки было нарушение мозгового кровообращения! Она и сознание теряла, и я говно из под неё тягала! И пролежни успели появиться, еле спасли! И!.. И!.. И!.. – неслось из трубки...

А Люся не бросала трубку, молча, слушала, и из глаз её покатались крупные слёзы.

Когда Алька, выплеснув на неё свой монолог замолчала, только устало спросила

– Всё? А ты спросила, где была я всё это время? Спросила, как поживает твой полуживой брат-растение? Как мои дети занимались с отцом в моё отсутствие?..

Но Алька больше не стала слушать, а тем более – задавать вопросы. И так понятно, размышляла она, – железная Люся, всё тянущая на себе, во время мамкиной болезни сачконула! Ну, лечить-ухаживать, конечно, ей было некогда – дома свой лежачий больной. И сколько брат будет ещё тянуть?? Пережила бы его мамка, квартира мне бы досталась... А так, чуть было не вошло в силу завещание на нас двоих... Ужас какой – чуть мамка не померла!

Вот бы и уплыло полквартиры!

Валик был рад возвращению жены из Чернигова. Похвалил детей за то, что хорошо ухаживали за ним и пожаловался Люсе на тупую боль в спине. Перевернув на бок, Роза увидела, что у мужа вырисовывается большой синяк – будущий пролежень. Она давно знала тонкости ухода – да, что-то пропустили дети... Стала обрабатывать, массажировать, рассказывая о днях, проведённых в больнице.

А на следующий день, собрав гостинцы, пошла в гости к свекрови.

Во дворе катались с горки дети, мамочки выгуливали малышей...

Люся всё тыкала и тыкала ключами в замочную щель, пытаясь открыть дверь квартиры. Наконец поняв, что ключи не подходят, вышла из подъезда. Побеседовала пять минут со встретившейся соседкой, живущей рядом, и та поведала, что вчера Митя менял замки!

«Вот оно что! – подумала Люся, – замки новые! А почему же не сказала мне вчера Алька?»

Идя домой, Люся не вытерпела, позвонила Альке на мобильный.

– Да! Поменяли! А ключей ты больше не получишь! Надо было хоть поинтересоваться мамкой за время её болезни! – пищала Алька, исходя жёлчью на невестку.

– Так меня же дома не было! Как раз в эти дни я болела и была в областной больнице...

– Мы все болеем! – перебила невестку Алька, не дослушав даже, где та была.

– Как же так? Ты не имеешь права не давать нам ключи! Валик – сын!

– Да?? Если бы он ходил и ухаживал, я бы не возражала. А так – нечего ходить и расстраивать мамку, она может испугаться, если кто-то зайдёт к ней! И помереть! Пусть живёт!

– Да пусть живёт, конечно! О чём речь? Только вы лишаете нас возможности помогать, ухаживать...

– Так я и буду ухаживать!!! И потом чтобы не было вопросов! Кто ухаживал – того и квартира! – рубала в трубку Алька.

– А ты забыла, Аля, как ухаживал за мамой Валик? Все года, до его болезни, помогал ей во всём. И убирал, и в магазин ходил, и голову ей мыл. А ты даже не звонила, у тебя дома вечно был отключен телефон. И ключами от её квартиры ты тогда не интересовалась! А я сколько помогала... А наши дети, – возмущалась Люся. – Я же сама болела...

– Что было, то прошло! Ключи не дам! Мамку не тревожьте! – опять перебила Алька.

Она так и не захотела слушать о том, что невестка лежала в областном стационаре с серьёзным диагнозом, что её дети взяли на себя уход за отцом...

Состояние Валика ухудшалось, но он не воспринимал его адекватно. Капризничал и жаловался на погоду: то дождь, то солнце, а ему плохо! Отвергал свежую, вкусную и разнообразную еду, приносимую женой на большом подносе. Она кормила мужа с ложечки вот уже шестой год, а он плевался и кусался, матерясь, не в силах больше никак выразить свой протест. И во зле, может, не осознавая, проклинал Люську и желал ей смерти. Иногда шёпотом – отказывала и речь, а иногда, когда голос прорезывался, он орал так, что было слышно и на верхних этажах...

– За что? За то, что я держу тебя на этом свете? За то, что продлеваю тебе жизнь? – спрашивала Люся, часто – в пустоту! – Ты помнишь, как много лет назад, поставив диагноз «рассеянный склероз», врач сказал, что жить тебе осталось от силы полгода! Помнишь? Уже умерли два врача невропатолога, лечившие тебя, умер знаменитый Касьян, который спасал тебя... А ты, благодаря моему уходу, живёшь так долго... Ты же не хочешь умирать?! – Нет, не хочешь...

Помнишь, как мы мечтали, что постареем и будем постоянно жить вместе в дачном домике? Ты построишь там печь... Мы будем собирать ягоды, грибы и травы... – слёзы застывали в глазах и стояли камнями, Люся не плакала. И в груди стоял камень – спазм... Грудная жаба? Стенокардия, если по медицине? Не удивительно. Такие вот убаюкивания тушили гнев, успокаивали Валентина. Ненадолго – до следующего всплеска!

– Люся! Набери мамин номер! – ежедневно просил Валик, и глаза его светлели и прояснялись, лицо добрело от предвкушения радости – сейчас он услышит мамин голос!

– Ма! Привет! – говорил он собранными для этого разговора драгоценными остатками своего некогда командирского голоса, – ты как?

– Я помаленьку, – отвечала громкая связь из трубки, лежащей на груди у сына.

– Как самочувствие твоё?

– Да, какое там уже у меня самочувствие, я же такая старенькая... Ты знаешь, сколько мне лет?..

– Знаю... Ты ходишь по квартире? Не залеживаешься? – беспокоился сын.

– Хожу. Помаленьку, с палочкой, за стенки держусь – привирала мама. – Люся видела, как та браво передвигается.

– А Аля приходит? Ты не голодная? Есть у тебя еда?

– Сегодня не приходила. Митя приезжал! Митя всегда приезжает. Аля наварит и мне передаст. А чего Але ходить да натруждаться? Она на той неделе мне постель поменяла, забрали стирать. А Митя приезжает почти каждый день!

– А ты помнишь, как я к тебе каждый день приезжал на велосипеде? А Аля твоя и дороги не знала к тебе?

– Да чего там не знала! Знала, только дети у неё были...

– Так ты же ей детей и вынянчила, что ты её оправдываешь? Пусть теперь за тобою и смотрит! Ма! А почему это Аля не дала Люсе ключи от твоей квартиры? Что это вы придумали? Какие обиды на неё? Люся болела, была в Чернигове, в больнице, когда ты заболела... так не годится! – нервничал Валик.

– В больнице? – переспросила старая Дуся, и тут же забыла об этом...

– А пусть Люська придёт, я тебе пятьсот гривен дам на гостинец – проговорила она. Пусть сначала позвонит, я её буду ждать и открою дверь.

Люся пошла в гости, спрятав свою гордость, глубоко за пазуху – деньги были ох, как нужны, на лечение их уходило немереное количество!

И вот открыла двери мама Дуся, и засеменила в комнату быстро-быстро, забыв, видимо, что к ней пришла невестка, и что она, старенькая и «еле ходит»! Да, бабулька передвигалась по квартире живенько! И когда Люся, понаблюдав, сказала ей об этом, бабка спохватилась, взяла в руки палку... Но, пошла дальше, не опираясь на неё, а неся в одной руке! Палка висела-болталась в руке, и Люсе стало смешно...

Посмотрела на «порядки», на засыпанные слоем пыли углы, и взялась Люська пылесосить-мыть...

– Да хватит тебе! Аля убирала вчера!

– Я и вижу, что тут сто лет не убиралось! А вы ещё и ключи не даёте, чтобы мы зайти не могли. А вдруг вам плохо станет? Хотя вы очень даже неплохо ходите, а у сына за три года ни разу не были! Неужели вы не хотите поведать сына, поговорить с ним, посмотреть на него?? Вас бы на

машине привезли и отвезли. Каждая мать любит и жалеет своё дитя, а ваш сын так болен! Сколько ему осталось?.. Приходите!

– Ладно, бери деньги уже, не высказывай мне, иди уже, – пробурчала Дуся и, взяв купюры с лежавшей пачечки денег, протянула Люсе двести гривен.

– А вы же сказали сыну, что дадите пятьсот, – удивилась невестка и, устав быть безропотной, выдала: – когда я, а не Аля, переоформляла вам документы на большую пенсию, как инвалиду ВОВ первой группы, вы обещали помогать деньгами. И ни-ког-да не даёте. А Аля хвалилась, что ей отдаёте всё... С её-то бизнесом!..

– Хватит! Мне самой надо! – отрезала свекровь, и пошла в прихожую вполне нормальным, бодрым шагом – открывать дверь.

– Валик! Она дала всего двести, я сразу же пошла и купила лецитин – как раз одна упаковка.

– А ну, набери её номер! – сказал муж.

– Ма! А что случилось? Ты же хотела дать мне больше денег? Или Люська врёт? Ты и так никогда не помогаешь, а обещала же нам... Всего на упаковку лекарства хватило. Помогай мне, а у Али – бизнес, мне нужнее ...

– Хватит тебе! Не нервничай! Вот ОНА сказала, что я хорошо хожу... Да! Я и во двор могу выйти! И пройтись по двору могу! А к тебе не пойду. Я не прихожу к тебе, чтобы мне не смотреть на тебя и не нервничать! А то я сразу умру! Вот Аля рассказывала, что одна женщина там кого-то пошла проведывать, посмотрелась на больную, пришла домой и сразу померла! – тараторила мама Дуся. – Ты тоже хочешь, чтобы и я ТАК? – спросила она строгим голосом.

– Нет, мамочка, что ты! Живи сто лет... – еле слышно заплакал в трубку Валик, теряя силы...